

А. НИКОЛАЕВ

*Запомните нас
молодыми*

А. НИКОЛАЕВ

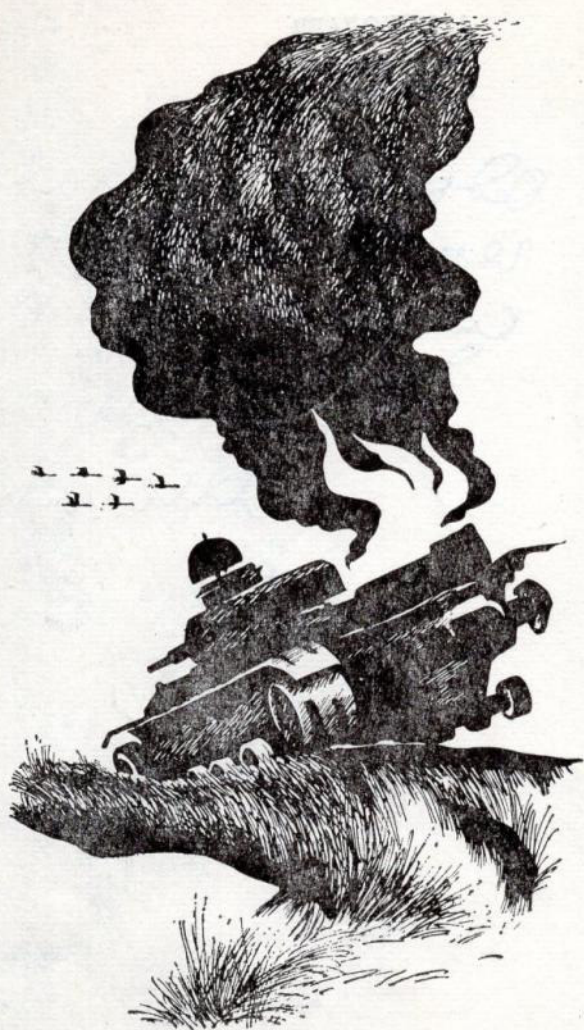
Запомните нас
молодыми

Дядю из маляков
героев этой книги -
Сидорова Вадима,
друзей
(Благодарю)
Дядю

10. 5. 85 г.

г. Москва

А. НИКОЛАЕВ

Запомните нас МОЛОДЫМИ

Повесть о том, что было
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

Воспоминания
к. 1405 ап. 2 ед. 75

...В жизни встречаешь немало настоящих людей. Таким оказался в нашем училище лейтенант Волк. Я его еще не знал в лицо, а уже заужал. Надо сказать, что я был вхож в кабинет командира дивизиона. Даже тогда, когда в нем не было хозяина. Вернее, только тогда и был вхож в его кабинет. Такая уж у меня была привилегия. По утрам я брал ведро и тряпку и отправлялся туда мыть пол. До сих пор не понимаю, в чем трудность мытья полов. Надо просто выплеснуть на пол ведро воды, а потом всю воду собрать тряпкой обратно. Вот и вся премудрость.

Такое простое и почетное дело было поручено мне только потому, что комдив меня считал как поэта и редактора стенной газеты.

Я отвечал сразу за два участка: за чистоту слюга в стенгазете и чистоту пола в командирском кабинете.

Обычно комдив не оставлял на столе никаких бумажек. Но однажды он почему-то оставил одну бумажку и, судя по бланку, очень важную. И хоть я знал, что нехорошо совать нос не в свои дела и в чужие бумаги, но меня так и подмывало взглянуть. Тем более что не было на той бумажке слов: «Совершенно секретно». А сразу бросались в глаза слова, набранные крупным жирным шрифтом: «Приказ Верховного Главнокомандующего».

Взял я грех на душу, прочитал приказ. Состоял он из двух пунктов. В первом было приказано начальнику училища полковнику Харитонову подвергнуть лейтенанта Волка домашнему аресту на двадцать суток за обращение к Верховному Главнокомандующему не по команде. Второй пункт гласил: «Откомандировать командира учебного взвода лейтенанта Волка в действующую армию согласно его просьбе».

Молодец Волк! Добился своего. Думаю, что и двадцать суток не отсидел. Когда же ему сидеть-то, если он на фронт так торопится, что даже к Верховному Главнокомандующему обратился не по ус-

таву. Да и нужен-то был, наверно, первый пункт приказа только для того, чтобы другим неповадно было воинский устав нарушать. Ведь в уставе четко сказано: командир взвода может обращаться с рапортом к командиру батареи, а если тот отказывается, тогда к командиру дивизиона. Потом к начальнику училища и так далее, все выше и выше.

Правда, сам я избежал этой участи — с просьбой об отправке на фронт не по команде обращаться. Учился хорошо, старательно, чтоб никакой задержки не вышло. Да, видно, перестарался. Даже на Доску почета был занесен. Из-за этого и стал первым кандидатом на должность командира учебного взвода.

Вывел меня полковник Харитонов, начальник училища, а я уже знал, чем это пахнет. Надо было что-то придумать, чтоб в училище не оставили. А то странно получается: когда я сюда рвался, меня принимать не хотели, теперь отсюда рвусь, отпустить не хотят. Думал я, думал и придумал. Попросил в каптерке шинелишку пообдерганней, сшил свои кирзовые сапоги на ботинки с обмотками и пошел.

Время-то было военное, нелегкое, многие кур-сенты были именно так одеты, да я и сам еще только совсем недавно с обмотками распрощался. Ох, и неудобны же они для быстрого одевания. Спрыгнешь по тревоге или просто во время подъема со второго яруса двухэтажной кровати чуть ли не на голову тому, кто внизу спал, ноги в брюки, потом в ботинки и ну мотать. Длинные эти обмотки, будь они неладны, метра два, наверное. И не дай бог, если в спешке обмотка из рук выпадет. Покатится по полу, размотается, пропал.

Пришел к полковнику, доложил: по вашему приказанию явился. А сам и ногу-то не очень отбил, а руку к головному убору приложил так, чтоб пальцы были порастопыристей.

Глянул он на меня, осмотрел от обмоток до по-ти, а в глазах у него промелькнуло: неужели этот

юный Швейк на нашу Доску почета занесен и значком «Отличник РККА» отмечен?

А погоны у меня на плечах, как крылья, вздымаются, будто один другому помахивает и вымолвить хочет: «Давай улетим!»

— Мы вас хотим в училище оставить, а вы как строевым шагом ходите? Переваливаетесь, как утка.

— Я на фронт хочу.

— А если вам прикажут здесь остаться?

— У меня, товарищ полковник, отец на фронте погиб. Буду воевать, мстить за него.

— Будете для фронта офицеров готовить.

— Никак нет.

— Как это нет? Вы что, приказу не подчинитесь?

— Так точно, подчинюсь приказу. Но буду обращаться к Верховному Главнокомандующему не по команде. Как лейтенант Волк.

— Ну что ж, воля ваша. На фронт так на фронт,— согласился полковник. Видимо, одного Волка ему уже было достаточно.— Только этот маскарадный наряд отдайте, у кого взяли. Ишь как вырядился! Я уважаю ваше стремление на фронт. А вы меня не уважаете. Комедию разыгрываете.

Мне стало стыдно.

Так, хоть и с некоторым позором, я все-таки добился назначения в действующую армию. А занесение на Доску почета училища и нагрудный значок «Отличник РККА», которым я был награжден по приказу Верховного Главнокомандующего, давали мне право выбора фронта, армии, даже гвардейской части. Я выбрал фронт, которым командовал К. К. Рокоссовский,— 1-й Белорусский. Я выбрал армию, которой командовал П. И. Батов,— 65-ю. И представьте мое удивление, когда я почти через десять лет после этого, читая вышедшую после войны книгу воспоминаний Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», нашел в ней признание автора

в том, что из всех фронтов он больше любил быть на том фронте, которым командовал К. К. Рокоссовский, а из всех армий — в той, которой командовал П. И. Батов.

Мы ехали на фронт. На перроне небольшой приуральской станции, где толпы пассажиров загружали вагоны нашего эшелона, я увидел маленькую женщину с двумя девочками-подростками. Одной девочке было лет десять, другой — лет тринадцать. Мы решили взять в свой вагон этих трини, тем более что все равно в него по пути уже набилось немало гражданских.

На станциях я бегал за кипятком. Женщина жила девочками из эвакуации, из детского дома обратно в Москву. Старшая девочка лежала на третьей, багажной полке, такой же, какая досталась и мне. Мы с ней разговаривали всю дорогу, а уже перед самой Москвой я молча передал ей записку: «Когда вернусь с фронта, выходи за меня замуж».

Она что-то тоже написала на этом листке и вернула его мне. Я прочел всего одно слово: «дурак», и спрятал бумажку в нагрудный карман.

Мне было печально это прочесть, но самое печальное в том, что тринадцатилетняя девочка была права. Вскоре я подтвердил это ее определение.

До Москвы нас сопровождал заместитель начальника политотдела училища по комсомолу старший лейтенант Пильщиков. На Ярославском вокзале он объяснил, что место нашей временной дислокации — пересыльный пункт на Стромынке, 32. Там все получают указание, кто, куда и когда поедет. В Москве предполагалась задержка на несколько дней. А мне от вокзала до дома — всего полчаса на трамвае. Как же не забежать домой хоть на часок? А Пильщиков, наш комсомольский «бог», такой умный, все понимающий, обаятельный, добрый. Неужели он меня не отпустит?

Где же вы теперь?..

Мне снова и снова вспоминаются те, кто вошел в мою фронтовую юность, кто вошел в мою жизнь и остался в ней навсегда.

Это и комбайнер Оконешниковской МТС Омской области Лесин, потерявший на войне ступни обеих ног и продолжавший героически трудиться для фронта, для Победы. И старшина карантина Арбенин, встречавший будущих курсантов 1-го Томского артиллерийского училища приветливо и строго, таскавший с ними неподъемные таежные сосны из ледяной воды. И командир учебного взвода лейтенант Волк, добившийся откомандирования на фронт и этим еще раз доказавший всем известную истину: «кто хочет, тот добьется».

Однажды, лет пять назад, зашла к нам соседка, давняя приятельница Галя и, загадочно улыбаясь, спросила:

— Ты знаешь дальнейшую судьбу упомянутого в твоей книге лейтенанта с необычной фамилией Волк?

— Ничего о нем не знаю, кроме того, что написал. Даже не знаю, как его зовут.

— Так вот, могу тебя обрадовать: твой Волк жив и здоров! Сотрудница нашей редакции недавно ездила в Ленинград. Побывала в гостях у своей подруги, муж которой — Степан Степанович Волк.

Вскоре мы встретились с Волком в Ленинграде.

Профессор, доктор наук, солидный ученый, заведующий кафедрой Ленинградского университета и

под шестьдесят был молод душой, обаятелен, остроумен, открыт и доступен, как теперь говорят, контактен.

Не надо гадать, чтобы знать, каким человеком оказался оставивший неизгладимый след в моей жизни, явившийся примером для подражания, лейтенант Волк. Его целеустремленность, настойчивость в достижении намеченной цели, храбрость, самоотверженность и трудолюбие отмечены военными и послевоенными наградами. Всего этого он добился, действуя прямо, открыто и честно, что, естественно, вызывает к нему уважение.

В Москве в Главном артиллерийском управлении, куда явился лейтенант Волк за назначением на фронт, штабной офицер взглянул на его документы, извинился и, выходя из кабинета, сказал:

— Подождите минуточку.

Через минуту кабинет был заполнен офицерами управления. Очень им было любопытно посмотреть на того лейтенанта, который, возможно, и для кого-то из них открыл дерзкий, но верный и быстрый путь из тыла в действующую армию.

К молодому лейтенанту отнеслись с пониманием, направили в артиллерийскую дивизию резерва Главного Командования, в дивизию прорыва. Но случилось так, что на фронте командир дивизии назначил его... своим адъютантом. Конечно, не об этом мечтал лейтенант. Круг, казалось бы, замкнулся.

Однако лейтенант Волк и тут нашел выход из положения. Во время танковой атаки противника в критический момент боя, когда был ранен командир противотанковой батареи, он взял на себя командование батареей. Орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны I и II степени он получил в истребительно-противотанковом полку.

С командиром нашей батареи капитаном Суслиным мы расстались в Западной Белоруссии у деревни с символическим названием Клещели. Здесь нас взяли в клещи эсэсовские дивизии «Викинг» и